

Рис. 1. Карта Санкт-Петербурга от Карла Бедекера [Ваедекер 1914: VIII].

Благодарности

В работе над этим проектом мне помогали представители множества разных организаций. Моим друзьям и бывшим работодателям Никите Ломагину и Аркадию Полярусу я благодарна за то, что они впервые познакомили меня с миром экскурсионной работы и, следовательно, за то, что пробудили во мне интерес как к краеведению, так и к путеводителям. Роберт Магуайр, мой научный руководитель в Колумбийском университете, стал постоянным источником советов и поддержки. Его руководство на всех этапах этого процесса было бесценным. Кэти Непомнящий и Кэрол Юланд сыграли весьма важную роль в моем образовании. Я очень благодарна за помощь и поддержку, которые они оказывали мне на протяжении многих лет. Ричард Густафсон, Элизабет Валькенир, Ирина Рейфман, Джули Баклер, Джули Кассидей, Энн Лоунсбери, Ларри Холмс и Том Бейер — все прочитали и прокомментировали различные версии этого текста, сделав много полезных замечаний. Ольга Семеновна Острой дала мне ценнейшие советы по основным источникам, когда я впервые начала проводить архивные исследования в Санкт-Петербурге. Российская национальная библиотека остается моим любимейшим местом работы в мире, и я очень благодарна ее сотрудникам.

Я хотела бы поблагодарить Питера Поттера из издательства «Penn State Press» за веру в этот проект и за помощь в доработке текста. Я в долгу перед Роном Мейером, редактором публикаций Института Гарримана, за его ценные редакторские советы.

Финансирование этого проекта было предоставлено Американским советом преподавателей русского языка, Программой исследований и обучения Государственного департамента США по Восточной Европе и независимым государствам бывшего

Советского Союза, Славянским факультетом Колумбийского университета, Институтом Гарримана и Университетом Оклахомы. Я хотела бы выразить особую признательность университетским семинарам Колумбийского университета за их помощь в публикации. Материал этой работы был представлен на семинаре по славянской истории и культуре.

Часть главы 7 этой монографии ранее появилась в несколько иной форме в книге под редакцией Иэна Лилли «Москва и Петербург: Город в русской культуре» [Lilly 2002]. Благодарю Иэна Лилли и Гарта Терри за помощь в доработке этого материала.

Финансовую поддержку русского издания этой монографии осуществили Офис вице-президента по исследованиям и партнерству, проректор, Колледж искусств и наук и Отдел современных языков, литературы и лингвистики Университета Оклахомы.

Предисловие

Способы познания: российское краеведение как дисциплина идентичности

Научные дисциплины есть культурный конструкт. Они возникают в определенных местах в определенные моменты времени и либо процветают, либо угасают в зависимости от того, насколько они воспринимаются как интеллектуально жизнеспособные, полезные, модные и/или совместимые с потребностями и устремлениями активных социальных групп. Подобно стилям в музыке, тенденциям моды и политическим теориям, научные дисциплины могут пересекать границы стран, где они возникли. Они могут распространяться по миру независимо от своей исходной культуры, осваивая другие страны и континенты. Иногда в новой среде научные дисциплины существенно меняются: цели, границы и теоретические основы, а также терминология могут меняться в зависимости от местных условий. Однако нередко может показаться, что научные дисциплины, по крайней мере на первый взгляд, переходят без изменений из одной культуры в другую.

Неудивительно, что сильные нации и империи экспортируют академические дисциплины более успешно, чем более слабые государства. В последние десятилетия экологическая инженерия, гендерные и этнические исследования — новые дисциплины, которые пользуются значительной популярностью в Западной Евро-

пе и Соединенных Штатах, — начали завоевывать позиции в других регионах земного шара. Ведущие университеты в таких странах, как Аргентина, Уганда, Словения и Йемен, регулярно выпускают рекламные материалы, заполненные ссылками на новые кафедры, программы и курсы, которые современному американскому педагогу могут показаться знакомыми. Сходство временами настолько разительно, что можно не без оснований предположить, что благодаря современным средствам коммуникации и западному экономическому и культурному доминированию во всем мире сложилась общая однородная система организации и классификации подходов к обучению и значение региональных тенденций, берущих начало за пределами влиятельных стран Запада, в структуре интеллектуальной жизни невелико.

Однако, несмотря на несомненное влияние западных университетов, научных обществ и агентств, предоставляющих гранты, в организации обучения и научной работы по-прежнему сохраняется огромное разнообразие. Научные дисциплины, в значительной степени или полностью неизвестные в Соединенных Штатах, процветают в других регионах земного шара. Они могут легко ускользнуть от внимания американских ученых, потому что не вписываются в нашу систему дисциплинарной классификации: для них не существует слов в английском языке, они пересекаются с западными областями специализации, но все же полностью не совпадают с ними. Нам они кажутся похожими то на одно, то на другое, но никогда мы не признаем их ценность и важность. В результате американские специалисты склонны переводить иностранные дисциплинарные термины либо упрощенно, либо ситуативно. В первом случае они буквально переводят название иностранной дисциплины на английский язык, а затем, отмечая, что оно звучит примерно так же, как один из его известных западных аналогов, предполагают, независимо от охвата или методологии, что два подхода к познанию по существу идентичны. Во втором случае они полностью игнорируют существование незнакомой категории и классифицируют отдельные научные работы, являющиеся примерами зарубежной дисциплины, в соответствии с западными нормами; они могут обозначить

какие-то работы как историю, идентифицировать другие как политологию и отнести третью группу к культурной антропологии. Незнакомая дисциплинарная категория при этом исчезает; остаются только разрозненные предметы. Как упрощенные, так и ситуативные переводы иностранных дисциплинарных терминов, как правило, усиливают нашу культурную слепоту, а ложные уравнения и поспешно придуманные сравнения снижают нашу и без того ограниченную способность воспринимать неизвестные категории и структуры.

Должно ли нас беспокоить наше пренебрежение к дисциплинам, возникшим в других странах? Важны ли категории и термины вообще или значение имеют только отдельные научные работы? В наш век междисциплинарных исследований было бы глупо считать границы, разделяющие области специализации, изначально фиксированными или непроницаемыми, но означает ли это, что дисциплины как таковые не важны? Можно сказать, что нет; способы организации науки, разработка категорий и подходов, возникших в различных частях земного шара, заслуживают нашего внимания. Изучая их, мы можем многое узнать о себе и своих соседях, о том, что во всеобщем стремлении к знаниям является постоянным, и о том, что меняется в зависимости от культуры и эпохи.

Эта книга посвящена традиции, которая незнакома большинству американцев и многим западноевропейцам: системе исследований, которая по-русски называется краеведением. Лучше всего это понятие переводится на английский язык как региональные или, возможно, местные исследования («край» — регион или местный административный округ, а «ведение» — изучение или знание). Эта область знаний сформировалась в центральной России в начале XX века, сочетая элементы, заимствованные из различных отечественных и зарубежных источников. По мере своего развития краеведение росло и изменялось в соответствии с советскими историческими условиями, приобретая со временем функции, теоретическую базу и социальную значимость, которые отличают его от всех очевидных предшественников. Популярное с самого начала, краеведение быстро распространилось по всей

советской территории и в последующие после Второй мировой войны десятилетия даже играло определенную роль в некоторых восточноевропейских сателлитах СССР¹. После краха коммунизма краеведение, по-видимому, прекратило географическую экспансию, но оно остается динамичной и важной силой на территории бывшего Советского Союза. В России, в частности, в последние годы эта сила процветает, никоим образом не омраченная и не ослабленная недавно импортированными западными дисциплинами и способами мышления. С начала 1990-х годов в России наблюдается — в дополнение к созданию новых кафедр, центров и школ гендерных исследований, пиара и маркетинга — значительное увеличение числа академических подразделений и учреждений, занимающихся краеведением.

Что именно означает краеведение? Современные российские составители словарей обычно определяют этот термин как «изучение природной среды, населения, экономики, истории или культуры какой-либо части страны, такой как административный или природный регион или место поселения» [Прохоров 1987: 643]². Как следует из данного определения, краеведение представляет собой синтетическую область знания, которая опирается на методологическое и теоретическое наследие различных научных традиций. В нем подходы, терминология и методы, типичные для таких разнообразных научных областей, как антропология, социология, история, искусствоведение, экономика и почвоведение, объединяются для создания новой целостной науки о месте. Краеведы-практики исследуют и описывают природные и руко-

---

¹ В Болгарии, например, аналогичная дисциплина, известная как «краезнание», оформилась после Второй мировой войны, предположительно, по крайней мере частично, под советским влиянием. Как отмечает Александр Ковачев, слово «краезнание» редко встречается в болгарских публикациях до этого периода. Хотя, безусловно, явление может существовать до того, как оно получит название, появление терминологии часто сигнализирует о новом этапе самосознания и, следовательно, формальной организации. См. [Ковачев 1999: 4].

² См. также определения в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и в [Милов 1985: 3].

творные ландшафты, изучают то, как человеческое общество и окружающая среда влияют друг на друга, и расшифровывают семиотику пространства. Они изучают местные мифы, анализируют условности, регулирующие изображение тех или иных регионов и городов в произведениях искусства и литературе, и исследуют как внешнее, так и внутреннее восприятие местных групп населения. Представление о том, что люди формируются и определяются средой, в которой они живут, является основополагающим для этой современной области знаний. Краеведы считают, что географический фактор играет активную роль и в истории человечества в целом, и в жизни отдельных людей. Они утверждают, что длительное проживание в определенном городе или регионе — воздействие определенной эстетической и социальной среды, определенного набора символов, мифов, стереотипов и исторических концепций — может повлиять на наши возможности, выбор, точку зрения и в некоторой степени даже на наш характер. По этой причине краеведы склонны рассматривать исследование географического пространства как средство изучения человеческого сознания и культуры.

С точки зрения исследуемых вопросов, возможно, разумнее сравнить краеведение с современной географией человека. Однако структурно эти две дисциплины различаются по ряду существенных аспектов. Самое главное, в то время как географы исследуют большие и малые единицы территории и изучают места, как близкие, так и удаленные от их собственного личного опыта, краеведы почти неизменно изучают отдельные населенные пункты (города, общины, административные районы), в которых они когда-то жили или которые каким-то иным образом связаны с семейной историей — например, давно утраченное наследие или место смерти родителей. Для краеведов крайне нехарактерно писать о местах, с которыми у них нет устойчивой личной связи. Как иногда признают лексикографы, пытающиеся дать определение краеведению, «по большей части» эта форма исследования представляет собой работу людей, которых можно было бы при определенном условии классифицировать как «местных жителей» [Прохоров 1987: 643].

В этом отношении краеведение очень похоже на немецкое *Heimatkunde* (буквально: изучение родины), традицию региональных географических исследований, которая явно послужила для него источником вдохновения и из которой оно, в ограниченном смысле, даже, можно сказать, произошло. Как я подробнее объясню позже на страницах этой работы, слово «краеведение» вошло в русский язык в начале XX века как один из трех возможных переводов *Heimatkunde*. Значительно менее популярное, чем конкурирующие кальки «родиноведение» и «страноведение», «краеведение» лишь эпизодически появлялось в российских публикациях до 1920-х годов, когда оно стало ассоциироваться с формирующейся сетью провинциальных научных обществ, слабо связанных с Академией наук. В течение следующих нескольких десятилетий определение краеведения постепенно расширялось, включая другие учреждения и формы науки о регионах. При этом сходство данного способа исследования с *Heimatkunde* значительно уменьшилось. По сравнению со своим немецким предшественником, краеведение стало не столь провинциальным по своему характеру, оно приобрело новые академические притязания и амбиции³. Однако большинство ученых продолжали, даже когда российское краеведение в некоторой степени стало профессионализированным, изучать районы, в которых они жили или с которыми чувствовали личную связь. Они исследовали пейзажи, сформировавшие, по их мнению, их собственные характеры, а изучая пространство, они таким образом познавали себя.

Подобно *Heimatkunde* и гендерным исследованиям, исследованиям, посвященным сексуальным меньшинствам, и различным формам этнических изысканий в Соединенных Штатах, краеведение можно было бы обоснованно назвать «дисциплиной идентичности». Под этим я подразумеваю область, в которой доминируют научные работники, отождествляющие себя с предметом своей науки, воспринимающие его как «я», а не «другой». В таких областях специализации различие между ученым и объектом исследования в лучшем случае остается размытым. Исторически и куль-

³ Описание истории и значение *Heimatkunde* см. в [Confino 1997].

турно обусловленные понятия идентичности часто выступают в качестве ключевых детерминант дисциплинарных границ, и исследователи нередко рассматривают свою научную деятельность как часть более широкого поиска тех или иных политических и социальных прав, исправления несправедливостей прошлого, самореализации, самосознания и защиты от угнетения. В результате познание может легко слиться с общественным активизмом⁴.

Ученые, занимающиеся проблемой дисциплинарности, часто утверждают, что дисциплины идентичности вообще не являются реальными дисциплинами. Они отмечают, что такие области специализации омрачены слишком большим субъективизмом и лишены реальной цельности. Что, иногда спрашивают критики, общего у всех практиков женских исследований, кроме того, что они работают над проектами, которые каким-то образом связаны с женщинами или представлениями о женственности? Они не обязательно проходят одинаковую подготовку или даже имеют одинаковые степени, у них могут быть совершенно разные интересы и методологические подходы. Возможно, все это в какой-то степени верно, но стоит отметить, что такого же рода критика может применяться и в отношении множества более традиционных областей специализации. Если интеллектуальная согласованность представляет собой основной показатель дисциплинарности, то сколько областей соответствуют этому стандарту? Филология? Экономика, история, антропология, медицина или физика? В публикациях за последние двадцать лет ученые, которые рассматривают «цельность» как основной критерий дисциплинарного статуса, обозначили (или приблизились к обозначению) каждую из этих областей как «непредметную» [Amariglio et al. 1993; Klein 1993: 197–198; Raymond 1996]⁵.

⁴ Обсуждение роли идентичности в исследованиях, посвященных сексуальным меньшинствам, см. в [Cohen 1993].

⁵ Попытки аргументировать внутреннюю интеллектуальную согласованность как неотъемлемый атрибут «истинной» дисциплинарности кажутся в некоторых случаях основанными на неправильном понимании Мишеля Фуко. Фуко утверждал, что особый вид единства представляет собой неотъемлемое свойство индивидуализированных дискурсов, но это не упрощенное един-

Подходы к изучению систем знаний, подчеркивающие как ключевой показатель дисциплинарности внешние характеристики, а не внутреннюю согласованность, как правило, являются более широкими и часто могут учитывать современные дисциплины, связанные с идентичностью. Такие области, как исследования, посвященные женщинам, афроамериканцам, сексуальным меньшинствам, как правило, демонстрируют большинство функциональных характеристик, связанных со статусом научной дисциплины. Для их поддержки существует развитая академическая инфраструктура: у них есть свои собственные кафедры, профессиональные сообщества, конференции, журналы, гранты, кафедры и учебники. Они также, по крайней мере в некоторой степени, связаны с теми или иными теориями, методами, техниками и дискурсивными стратегиями [Lenoir 1993: 72, 76, 80]. Занятые в них ученые используют специализированный словарь и продвигают свои идеи, обучая, проверяя и назначая преемников. Они изучают статьи и монографии друг друга, подают и оценивают заявки на финансирование и опираются на работу своих предшественников [Cohen 1993: 406–407; Hoskin 1993: 272–274; Shumway, Messer-Davidow 1991: 212]. Хотя было бы нелепо утверждать, что дисциплины идентичности обладают степенью формализации, характерной для таких устоявшихся областей, как биология, тем не менее при прямом отрицании их дисциплинарного статуса, похоже, упускается из виду важная тенденция: многие из этих областей специализации быстро становятся профессионализированными и в некоторых случаях даже, возможно, становятся более согласованными.

В этой книге я намерена рассматривать русское краеведение как дисциплину идентичности, как область специализации, сочетающую в себе определенную внешнюю структуру с большим

ство концепций, тем или стиля. Он допускал большую неоднородность внутри дискурсов. Единство, которое он воспринимал как удерживающее вместе индивидуализированные дискурсивные образования, лежит за пределами границ дискурса, в правилах и отношениях, которые регулируют его формирование. См. [Foucault 1972: 72].

внутренним разнообразием, в которой ученые склонны значительно отождествлять себя с изучаемым предметом и где стремление к знаниям может легко слиться с политической и социальной активностью. Подобно тому как женские исследования во всем мире во многих отношениях связаны с феминистским движением, а работы на расовые и этнические темы — с борьбой за толерантность и равенство, краеведение в России всегда было тесно связано с движениями по сохранению исторического наследия и окружающей среды, с различными формами местного бустеризма и с антицентристскими настроениями. Ученые, работающие в институтах и центрах местных исследований, преподающие на курсах по краеведению и пишущие научные работы в этой области, часто также принадлежат к неправительственным организациям, которые выступают за соблюдение ограничений на развитие, настаивают на более строгом контроле за загрязнением окружающей среды и борются за получение или сохранение финансирования региональных музеев и парков. Они свободно общаются с различными местными активистами и чувствуют, что у них есть с ними общие интересы. В целом было бы справедливо сказать, что большинство краеведов воспринимают себя как часть динамичного регионального сообщества, чей уникальный характер и голос заслуживают защиты. Поскольку краеведы заинтересованы в поощрении интереса к своему предмету среди населения в целом и имеют склонность ценить многие формы выступлений по региональным вопросам, они часто привлекают к участию в своих конференциях и издательских проектах любителей с небольшой формальной научной подготовкой или опытом: преподавателей, которые вводят связанные с краеведением материалы в свои курсы начальной школы, старшеклассников, пишущих прекрасные работы по региональной истории, художников, изображающих местные памятники и пейзажи в своих произведениях, а также разного рода энтузиастов и коллекционеров.

Готовность разрешить некоторым членам неакадемического сообщества участвовать на ограниченной основе в научных форумах представляет собой типичную особенность дисциплин,

связанных с идентичностью⁶. Как могут области, в которых научные исследования и стремление к самопознанию дополняют друг друга, жестко исключать новичков и энтузиастов? Специалисты-практики часто склонны поощрять людей со стороны принимать участие в дисциплине, которая поможет их самореализации. Более того, многие ценят неподготовленную речь по вопросам идентичности по другой причине: они рассматривают ее как важный первоисточник, пример того, как изучаемый тип идентичности понимают и воспринимают в масштабах общества. Из-за их относительной инклюзивности дисциплины идентичности часто продолжают напоминать популярные движения даже после того, как они в значительной степени профессионализировались. Они остаются неразрывно связаны с социальными и политическими движениями, из которых берут начало.

Чем объясняется популярность краеведения в современной России? Какие факторы способствовали росту интереса к этой дисциплине идентичности преимущественно местного происхождения в течение последних пятнадцати лет? Социальные и политические потрясения, распад Советского Союза и появление новых национальных государств и региональных организаций, несомненно, сыграли свою роль. Поскольку границы по всей Восточной Европе сместились, старые формы представления и понимания себя географически неизбежно потеряли большую часть своей актуальности. Внезапно перестав быть частью советской группы населения, россияне оказались вынуждены переоценить себя как народ: необходимо было пересмотреть свою национальную историческую концепцию, установить этнические, языковые и поведенческие границы между собой и своими соседями, найти новые символы и переоценить роль своей страны на международной арене. Что значит быть русским? Где начинается и заканчивается русскость? Как дисциплина, которая занимается и понятиями идентичности, и географическим пространством, краеведение представляет собой идеальный форум для рассмотрения таких

---

⁶ См., например, описание организации пятой ежегодной конференции по изучению лесбиянок и геев в [Cohen 1993: 418–419].

вопросов. Оно дает россиянам возможность сформировать региональную идентичность, которая потенциально не будет искажена националистическими (и интернационалистскими) эксцессами советского периода. Будут ли понятия идентичности, сформированные благодаря краеведению, способствовать росту нового национального чувства принадлежности, с терпимым и даже положительным отношением к региональным различиям как важным проявлениям русскости? Поможет ли краеведение объединить постсоветскую Россию так же, как, по утверждению Алона Конфино, идеи и символы «хаймата» способствовали национальному самосознанию в Германии после объединения 1871 года? [Confino 1997: 9–13]. Возможно, но так же легко понять современный российский регионализм в целом и краеведение в частности как глубоко антицентристскую позицию, более способствующую дальнейшему разъединению, чем возрождению сильного и положительного национального чувства.

Изменение государственных границ и необходимость формирования новой постсоветской коллективной идентичности во многом объясняют рост интереса к краеведению в современной России. Однако нынешнему буму наверняка способствовал и другой, менее очевидный исторический фактор. Современное российское краеведение возникло в результате слияния нескольких небольших интеллектуальных и культурных движений, которые были жестоко уничтожены в конце 1920-х и начале 1930-х годов. Ведущие исследователи оказались в тюрьмах и лагерях; институты, объединения и журналы были закрыты. Эти события оказались ключевыми для самосознания последующих поколений краеведов. После смерти Сталина в 1953 году ограничения на свободу слова и страх преследований ослабли, что позволило краеведам заново открыть свое наследие. Молодые исследователи искали забытые источники как в государственных, так и в частных библиотеках и архивах; они читали книги и рукописи, написанные их предшественниками в начале XX века, и встречались с представителями старшего поколения, которые остались в живых после террора. Вдохновленные тем, что они узнали, многие в конечном счете начали понимать истории

и цели краеведения в аллегорическом смысле. Они восхваляли время непосредственно перед чистками как потерянный «золотой век», оплакивали павших как «мучеников», жестоко убитых централизованным советским государством, которое по своей бесчеловечности было полностью сопоставимо с Римом, и идентифицировали себя как «выживших», миссия которых — нести особую форму просвещения в мир. В десятилетия, последовавшие за смертью Сталина, краеведы кропотливо трудились над распространением знаний и расширением краеведческой практики, но, даже добиваясь значительных успехов, были склонны воспринимать себя как нечто «маргинальное», действующее вне или даже против ведущих общественных тенденций и, по этой причине, как возможные мишени для официальных преследований. В некотором смысле российские краеведы в конечном счете приняли одно из основных обвинений, выдвигавшихся против них в обличительных речах эпохи чисток: в постсталинскую эпоху многие исследователи-практики стали принципиально рассматривать краеведение как антиистеблишмент [Лурье, Кобак 1993: 26–27].

История краеведения как мученической дисциплины и его контркультурная Я-концепция в постсталинские годы проложили путь к его быстрому распространению после распада Советского Союза. В начале 1990-х годов, когда другие области знаний пытались избавиться от наследия семидесяти лет коммунизма, краеведение упивалось своим героическим прошлым. У него был относительно небольшой институциональный багаж, и оно могло быстро реагировать на политические и социальные изменения. Ветераны-исследователи в советский период часто вели такое маргинальное существование, что их трудно было обвинить в соучастии в злоупотреблении властью. Казалось, что краеведение, тесно связанное с различными формами региональной активности и относительно инклюзивное по самой своей природе, демократичнее, чем многие более старые и устоявшиеся области знаний. Когда в середине 1990-х годов конфликт между российским центральным правительством и локальными интересами усилился и стал ключевым политическим вопросом,

краеведение возобновило свою традиционную функцию форума для выражения местных идей. Даже несмотря на то, что оно расширилось и пустило новые институциональные корни, оно оставалось жизнеспособным средством выражения мнений меньшинств по важным вопросам и, следовательно, потенциально, организационным центром для новых политических партий и групп⁷.

Я подробнее рассматриваю роль краеведения в постсоветской России в заключении к этой книге. Более ранние главы монографии посвящены проблеме, которую я считаю более важной: вопросу о его происхождении. Нельзя полностью понять нынешнюю форму российского краеведения, не проследив историю этой дисциплины. Для формулирования проблемы в понимании Фуко сначала нужно показать, как эта конкретная дискурсивная формация возникла из сети отношений между централизованным государственным управлением и различными региональными интересами, между публичной и частной сферами, между художественной и литературной критикой, работниками образования, научным сообществом и центральными органами планирования, между сторонниками старых и новых эстетических стандартов и систем ценностей [Foucault 1972: 40–44].

Рассказ о происхождении современного краеведения, который излагается здесь, будет сосредоточен почти исключительно на одном российском городе — Санкт-Петербурге. В этом смысле моя работа напоминает исследования немецкой идеи «хаймата» Селии Эпплгейт в Пфальце и Алона Конфино в Вюртемберге: я смотрю на то, как явление, существовавшее во всей стране, проявилось в одном населенном пункте [Applegate 1990; Confino 1997]. Однако стоит отметить, что, выбрав бывшую столицу императорской России, я решила описать региональную школу краеведения, которая является авторитетной, но не типичной, скорее авангар-

⁷ В июне 2000 года Л. Я. Лурье выступил с докладом, где затрагивался этот вопрос, на международном семинаре по краеведению и западным формам региональных исследований, который проходил в Мраморном дворце в Санкт-Петербурге. Его доклад назывался «Использование регионального исторического мифа в современной политической борьбе».

дом, чем нормой⁸. Ни один другой российский город или регион не может претендовать на столь же развитый культ местности, как Санкт-Петербург. Основанный Петром Великим в 1703 году в рамках амбициозной кампании по модернизации и вестернизации, Санкт-Петербург с самого начала представлял собой символическое пространство. Это было окно России в Европу, месторасположение крупнейшего порта страны, самых роскошных дворцов и величайших культурных учреждений. Это была сознательно глядевшая на Запад столица полуазиатской империи. На протяжении большей части последних трех столетий русские литераторы и общественные обозреватели использовали описания Санкт-Петербурга как средство выражения взглядов на историю и судьбу своей страны. Город интересовал как славянофилов, так и западников 1840-х годов, большинство великих полемистов 1860-х годов и многих интеллектуалов начала XX века. В зависимости от точки зрения, Петербург может представлять собой символ необходимого и совершенно естественного прогресса или «искусственный» город, возведенный вопреки присущему России характеру; столицу бывшей империи или колыбель революции. Говоря о Санкт-Петербурге, нельзя обойти вниманием ключевые проблемы, связанные с российской идентичностью. Совместимы ли русскость и европейскость вообще? Должна ли Россия стремиться подражать Западу? Отстала ли она от Англии, Германии и Франции? Если да, то как она может их догнать? Могла ли Россия внести какой-то особый вклад в мировое развитие? В чем заключаются основные черты русского народа? Были ли эти черты вообще заметны в Санкт-Петербурге?

История Санкт-Петербурга и его символическая роль в русской культуре сделали его естественным местом для возникновения сильной школы краеведения. В начале XX века возник целый ряд общественных объединений и культурных учреждений, имевших

⁸ Когда мы считаем что-то авторитетным, мы предполагаем, что оно нетипично: мы подразумеваем, что оно устанавливает нормы, а не придерживается их. Несмотря на всю свою широко разрекламированную «неповторимость», Санкт-Петербург на протяжении всей своей истории оказывал заметное влияние на архитектуру и культуру других населенных пунктов России.

целью изучить северную столицу России и/или сохранить наиболее ценные исторические и архитектурные памятники города. Будучи глубоко инновационными во многих отношениях, они разработали новые методы исследования и описания местных ландшафтов, концепции, программы организации исследовательской деятельности и академические стандарты, придумали терминологию и установили далеко идущие научные цели. Краеведы со всей России сегодня признают эти структуры важнейшими источниками, из которых развилась их дисциплина. Благодаря как историческому вкладу этих учреждений начала XX века, так и динамичности познавательных инициатив в современном Санкт-Петербурге российские краеведы сегодня признают этот город «теоретическим центром» краеведения. В нем работает значительный контингент специалистов, которые идентифицируют себя как краеведы, и выпускается больше публикаций, классифицируемых как относящиеся к краеведению, чем в любом другом городе в России. Научные направления, возникшие в Петербурге, даже сейчас быстро распространяются по стране и оказывают большое влияние на работу научных коллективов в других областях.

Тем не менее мое решение написать о краеведении в контексте Санкт-Петербурга может, по крайней мере с определенной точки зрения, показаться неуместным. Несмотря на то что большинство современных ученых считают это трюизмом, обозначение Санкт-Петербурга как «теоретического центра» современного краеведения иногда выглядит парадоксально как для россиян, далеких от предмета, так и для зарубежных наблюдателей с некоторым знанием славянских языков. Этимология термина «краеведение» играет роль в появлении таких реакций. В русском языке слово «край» имеет несколько различных значений. Оно может относиться к некоему региону или административному округу, как я отмечала ранее, но оно также вызывает множество других, более прямых ассоциаций. Чаще всего этот термин обозначает самый дальний предел какого-либо предмета или вещества (край стола, край одежды) и, следовательно, при использовании в отношении территориальных единиц, как правило, предполагает расположение на периферии, на расстоянии от центра (край села,

край света, окраина деревни). Таким образом, если разбить термин «краеведение» на составляющие, можно понимать его как изучение отдаленных районов, тех мест, которые находятся дальше всего от столицы. Это слово пахнет провинциализмом и, как следствие, когда используется в отношении научных проектов, сосредоточенных в резиденции бывшего императорского правительства, выглядит неподходящим для многих русскоговорящих. Хотя географически Санкт-Петербург и правда находится на окраине российской территории и весной 1918 года город перестал быть столицей страны, в сознании многих россиян он по-прежнему имеет огромное культурное значение и, следовательно, далеко не провинциален по характеру.

В этой книге я намерена исследовать те аспекты истории краеведения, которые способствовали, несмотря на кажущуюся этимологическую несообразность, появлению Санкт-Петербурга как теоретического центра и основного места происхождения данной дисциплины. Я подробно рассмотрю три культурных движения, которые в той или иной степени базировались в Санкт-Петербурге и способствовали формированию современного краеведения. Во второй и третьей главах будет обсуждаться движение за сохранение культурных памятников, возникшее в самом начале XX века и первоначально связанное с художественным объединением «Мир искусства». В четвертой и пятой главах я сосредоточусь на педагогическом экскурсионном движении, делая акцент на работе петербургского теоретика экскурсий И. М. Гревса и его ученика Н. П. Анциферова. В шестой главе будет рассмотрена сеть краеведческих организаций, которая была связана с Центральным бюро краеведения (ЦБК) Академии наук в 1920-х годах. В седьмой главе я попытаюсь показать, как значение термина «краеведение» менялось и расширялось с течением времени, исследуя одну сферу деятельности — литературное краеведение. В случае каждого из трех движений, которые обсуждаются в этой книге, я представлю довольно подробные отчеты об истории определенных культурных учреждений и прокомментирую жизнь и работу отдельных ученых. Эта информация представляет собой важную часть предыстории и мифологии современного краеведения

и имеет большое значение для понимания нынешней самооценки данной дисциплины. Как я уже заметила, современные российские краеведы склонны определять себя через сравнение с людьми и учреждениями начала XX века: как последователи Бенуа, Гревса и Анциферова, наследники традиций Общества изучения и сохранения Старого Петербурга, Петроградского экскурсионного института и Центрального бюро краеведения. Чрезвычайно саморефлексивное как дисциплина, краеведение сегодня занимается изучением своего возникновения и эволюции. Практически каждый сборник научных эссе по краеведению содержит значительный раздел, посвященный карьере и судьбе представителей предыдущих поколений региональных исследователей, на конференциях часто делаются доклады на аналогичные темы. Петербургские защитники памятников культуры, экскурсоводы и ученые, связанные с Центральным бюро краеведения, занимают видное место в рассказах о прошлом краеведения.

Помимо интереса к научным исследованиям отдельных географических районов и опыта гонений, что общего имели движение за сохранение культурных памятников начала XX века, движение педагогических экскурсий и организованные краеведческие работы, поддерживаемые Академией наук в 1920-х годах? Что в конечном счете позволило им восприниматься, по крайней мере постфактум, как часть единой дисциплинарной традиции, как краеугольные камни современного краеведения? У каждого движения были свои задачи и предубеждения, уникальный подход к изучению географического пространства и особая идентичность. Защитники культурных памятников и экскурсоводы начала XX века, как правило, не считали себя краеведами: до 1930-х годов многие россияне понимали термин «краеведение» довольно узко — как относящийся исключительно к виду местных исследований, продвигаемых Центральным бюро краеведения. Я утверждаю, что одной из основных нитей, которая помогла соединить изучаемые мною движения вместе, в конечном счете позволив отнести их к одной дисциплинарной категории, была литература. Защитники культурных памятников, экскурсоводы и исследователи, связанные с организациями Централь-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru